

— А ты? — Лян Сычжэ взял себя в руки и, подняв голову, посмотрел на Цао Е. — Я играл так плохо, а ты сразу узнал «Дьявольскую сонату». Ты, наверное, хорошо играешь на скрипке?

— Я? Я далеко не так хорош, — Цао Е скривил губы. — И это не ложная скромность... У меня никогда не хватало терпения. Мама всегда хотела вырастить из меня гениального скрипача, но я из другого теста. Играю я... сносно, не более.

Цао Е говорил правду. Он унаследовал музыкальный талант своей матери, Ли Ю, быстро запоминал ноты и хорошо чувствовал ритм, но ему не хватало терпения. С детства он не мог усидеть на месте, чтобы как следует попрактиковаться. Ли Ю всегда баловала его и не могла заставить себя запереть сына в комнате для занятий. Сам Цао Е не особо интересовался скрипкой и каждый раз, когда его отправляли обратно в Китай, без надзора матери забрасывал занятия на месяц или два. Так, занимаясь с перерывами, он достиг уровня, который среди сверстников можно было назвать средним.

Пока они разговаривали, принесли заказ. Блюда заняли почти всё пространство стола. Одни только семь стаканов с напитками занимали больше половины. Несколько блюд не поместились, и официант принёс дополнительный столик.

— Мы всё это съедим? — спросил Лян Сычжэ, глядя на полный стол. У него совсем не было аппетита.

— Наверное, — ответил Цао Е. Он тоже понимал, что заказал слишком много, но не хотел признавать этого. Он взял палочки, положил в рот кусочек лосося и, проглотив, сказал: — Ешь давай.

Лян Сычжэ тоже взял кусочек и начал медленно жевать. Цао Е поднял стакан с напитком из грейпфрута и чёрной смородины и выпил половину через трубочку.

— Хочешь попробовать? — он протянул Лян Сычжэ другой стакан. — Вкусно.

— Спасибо, — Лян Сычжэ взял стакан, вынул трубочку и, отпив, почувствовал лёгкий привкус

алкоголя, который, однако, почти заглушал насыщенный кисло-сладкий вкус малины.

Лян Сычжэ вдруг что-то вспомнил и посмотрел на Цао Е:

— Тебе уже есть шестнадцать? — и кивнул на стакан, имея в виду алкоголь.

— Это же не бар, тут почти нет алкоголя, — Цао Е размешал трубочкой кусочки грейпфрута на дне стакана. — И даже если б и был, какое тебе дело? Что, будешь отчитываться дяде Иню? — он смотрел с улыбкой, словно был уверен, что Лян Сычжэ не волнуется, пьёт он или нет.

В этом ресторане они были с Чжэн Инем раньше. Тогда Цао Е заказал напиток из грейпфрута и чёрной смородины, и Чжэн Инь специально спросил официанта, есть ли в нём алкоголь. Получив утвердительный ответ, он позволил Цао Е выпить лишь половину, а затем забрал стакан и допил сам. Цао Е понравился этот напиток, поэтому сейчас, в отсутствие Чжэн Иня, он заказал всё из этой серии.

— Делай, что хочешь, — Цао Е как в воду глядел: Лян Сычжэ действительно было всё равно. — Только не напивайся и не устраивай пьяный дебош.

— Этой штукой невозможно напиться... — пробормотал Цао Е.

Блюд было много, но порции были небольшими. Цао Е, видимо, был очень голоден, потому что быстро опустошил несколько тарелок. Но, по мере того как он ел, он начал замечать, что Лян Сычжэ действительно не в духе. Хотя внешне Лян Сычжэ вёл себя как обычно, Цао Е заметил едва уловимые изменения. Он вспомнил дрожащую руку Лян Сычжэ, когда тот схватил его за запястье, опущенные ресницы и взгляд, которым тот смотрел на него в туалетной кабинке. «Неужели невозможность играть на скрипке так сильно его расстраивает?» — подумал Цао Е. Вот если бы он сам не смог играть на скрипке, расстроился бы дня на два, а потом, возможно, даже испытал бы облегчение. Но затем Цао Е понял, что сравнивать его с Лян Сычжэ нельзя, ведь он не особо любил скрипку...

«А если сравнить с его матерью, Ли Ю?» — размышлял Цао Е. Это действительно было бы

очень серьёзно... Руки его матери, говорят, застрахованы на десятки миллионов долларов. Скрипачка Ли Ю, которая не сможет играть на скрипке... Трудно было представить, что с ней станет...

— Знаешь, ты мог бы тогда ворваться туда и избить его, — вдруг сказал Цао Е. Он не объяснил о ком говорит, но Лян Сычжэ понял, что он имеет в виду того мужчину с пекинским акцентом, чьи слова они подслушали.

— Я тогда растерялся, — самокритично усмехнулся Лян Сычжэ. — Сейчас думаю, что прятаться в кабинке было довольно жалко.

— Что здесь жалкого?.. — Цао Е вступился за него. — Ты просто не хотел, чтобы они видели тебя в таком состоянии.

— Возможно, — тихо сказал Лян Сычжэ. Да, он боялся, что в тот момент его уязвимость и бесполезная гордость станут в глазах других людей ещё одним поводом для шуток.

— Хочешь, я помогу тебе выманить его, и ты побьёшь его, чтобы выпустить пар? — предложил Цао Е сомнительную идею.

— Забудь. Подслушивать чужие разговоры — само по себе некрасиво, — Лян Сычжэ улыбнулся и покачал головой. — Но всё равно спасибо, — предложение Цао Е пришлось ему по вкусу куда больше, чем извинения Чжэн Иня. Цао Е не ошибся: Лян Сычжэ сейчас действительно чувствовал себя ужасно. Для Цао Е скрипка значила мало и неспособность играть не сильно повлияла бы на него. Однако для Лян Сычжэ скрипка была слишком важна, можно сказать, она была всей его жизнью, самой важной её частью. Внезапно лишившись возможности играть, он словно потерял огромный кусок себя, и теперь в образовавшуюся пустоту задувал холодный ветер, который никак не мог её заполнить.

— Ты правда хочешь стать актёром? — с любопытством спросил Цао Е. Он допил свой напиток из грейпфрута и чёрной смородины, взял стакан с вишнёвым игристым вином, выудил со дна вишенку и съел.

— Не совсем, — покачал головой Лян Сычжэ. Его расстраивала не сама невозможность стать

актёром, а то, что дорога, которая, казалось, открылась перед ним, снова оказалась тупиком... Что касается желания стать актёром... Возможно, это заинтересовало его потому, что предложение Цао Сююаня пришлось кстати, заполнило пустоту от невозможности играть на скрипке. Если бы тогда ему предложили стать певцом, художником, комиком, поваром — кем угодно, лишь бы протянули руку помощи, — он согласился бы.

«Способность шутить никак не связана с умением играть на скрипке» — если бы мне сказали так, сейчас я хотел бы стать комиком, — иронично, — подумал Лян Сычжэ. — Ладно, с актёрством не вышло — найду что-то другое...»

Как раз в этот момент Цао Е спросил:

— А если... ну, чисто гипотетически, если ты не сможешь стать актёром, чем ты планируешь заниматься?

«И правда, чем?» — Лян Сычжэ почувствовал растерянность. Все эти годы он потратил на занятия скрипкой и никогда не думал, что однажды больше не сможет играть. Варианты, конечно, были. Например, вернуться в школу, готовиться к поступлению в университет, но, поскольку в школе он всегда был на особом положении как ученик-музыкант, обычные предметы давались ему с трудом. В музыкальную школу его взяли без вступительных экзаменов, а что касается выпускных, если бы не травма руки, он уже поступил бы в консерваторию — там его ждало гарантированное место.

Может, принять предложение Чжэн Иня и попросить его помочь с поиском других ролей? Но по словам того же Чжэн Иня, он не очень-то подходит для актёрской профессии. И судя по реакции режиссёра Цао... Лян Сычжэ вспомнил, как Цао Сююань сидел за монитором, нахмурившись и слегка покачивая головой, — наверное, жалел, что выбрал его. Или заняться какой-нибудь обычной работой? Например, стать каменщиком, страховым агентом, охранником? Это, блядь, точно получится сделать...

Лян Сычжэ вздохнул. Без скрипки он чувствовал себя никчёмным.

— Я не решил. Возможно, вернусь в Яньчэн, — спокойно сказал он Цао Е, скрывая истинные чувства.

Цао Е увидел, как сильно Лян Сычжэ сжимает стакан, заметив побелевшие костяшки пальцев и выступившие вены на тыльной стороне ладони. Так же сильно он сжимал его запястье тогда. Только в тот раз в его глазах читалась уязвимость, а сейчас — скорее апатия.

«Неужели он просто так уедет? Он же даже не видел настоящего Пекина... — подумал Цао Е. — Приехал и сразу попал на эту обшарпанную улочку, увидев самую неприглядную сторону города. Разве можно просто так вернуться назад?» Внезапно Цао Е захотелось показать Лян Сычжэ город. Вдруг ему здесь понравится, и он решит остаться? Он сам не понимал почему, но ему очень не хотелось, чтобы Лян Сычжэ уезжал.

— Давай, я как-нибудь покажу тебе город? — спросил он.

Лян Сычжэ посмотрел на него и безразлично ответил:

— Угу, как-нибудь, — когда он ехал в Пекин полтора месяца назад, он планировал посмотреть город, но сейчас у него не было никакого настроения. «Ах да, Лян Сычжэ не может гулять по городу, — вспомнил Цао Е и приуныл. — Ему нужно оставаться в том переулке. Пока Цао Сююань не разрешит, он должен продолжать свою так называемую «жизнь в образе». «Цао Сююань такой жадный, — подумал Цао Е. — Разве Лян Сычжэ не красивее и интереснее Чжан Минханя? Почему же Чжан Минханю досталась главная роль, а Лян Сычжэ — нет?»

Он не знал, как утешить Лян Сычжэ. Даже утешать его казалось неуместным. Как же они стали соперниками? Причём соперниками, борющимися не на жизнь, а на смерть. «Может, отказаться от этой роли и отдать её Лян Сычжэ?» — мелькнула у него мысль и тут же отозвалась головной болью. Цао Сююань и так считал его бесполезным Лю Адоу, а если он ещё и от роли откажется, в глазах отца станет даже хуже Лю Адоу — просто головастиком. Головастиком, рождённым лягушкой на дне колодца. И потом, даже если он откажется, разве эта роль достанется Лян Сычжэ? Судя по разговору, который они подслушали, многие считали Чжан Минханя более подходящим кандидатом. Они что, ослепли?»

Впервые в жизни Цао Е познал вкус сомнений. Раньше ему не приходилось мучиться выбором. Не получится со скрипкой — станет актёром, не получится с актёрством — вернётся в школу. В конце концов, его отец — Цао Сююань, а мать — Ли Ю. Даже если он провалится во всём, благодаря родителям он сможет поступить в хороший университет. В крайнем случае, он может стать бездельником и прожигать жизнь. Но Цао Е, который никогда не стремился к достижениям, после того, как Цао Сююань безжалостно отчитал его в тот день, вдруг изменился. В его голове засело одно желание: заставить Цао Сююаня признать, что тот

ошибся, что слова, сказанные им в тот день, были несправедливы. Иначе он не стал бы две недели послушно сидеть в «Лазурной вечеринке» и читать сценарий. Поэтому сейчас он впервые в жизни тяжело вздохнул: «Всё так запутано...» Когда Лян Сычжэ было плохо, он не мог проглотить ни кусочка. А когда плохо было Цао Е, он просто молча ел.

За окном постепенно темнело: опускались сумерки, зажигались уличные фонари. Люди спешили домой с работы. Лян Сычжэ смотрел в окно и думал, что, возможно, в недалёком будущем он тоже станет одним из этих спешащих, ничем не примечательных людей. А скрипка, актёрство... Когда-нибудь всё это станет лишь одним из несбывшихся снов — ярким, волнующим, когда-то таким близким — и в то же время недостижимым. «Игра судьбы, ничего не поделаешь. Как это печально», — подумал он.

Лян Сычжэ долго смотрел в окно, погружённый в свои мысли. Наконец очнувшись, он заметил, что Цао Е уже некоторое время неподвижно лежит на столе. «Не может быть... Он что, уснул во время еды? Ну да, он же тот, кто может отлежать себе половину тела, не заснув». Лян Сычжэ посмотрел на тарелки с остатками еды. Цао Е, как воспитанный человек, съел только половину каждой порции, оставив другую половину ему, но у Лян Сычжэ аппетит так и не проснулся.

«Поели — пора уходить», — подумал Лян Сычжэ. Он протянул руку и похлопал Цао Е по плечу:

— Пойдём?

Цао Е что-то невнятно промычал, шевельнул шеей и переместил голову с одной руки на другую. Он спал довольно крепко и не проснулся.

— Эй, проснись, — Лян Сычжэ вздохнул, снова похлопал его по плечу — и тут он заметил неладное: лицо Цао Е покраснело, приобретя тот самый оттенок, который бывает у пьяных. «Не может быть... Он что, напился и отключился? От этих коктейлей можно так опьянеть?» — Лян Сычжэ убрал руку с его плеча и потянулся к стакану в руке Цао Е — посмотреть, что там. Когда он попытался вытащить стакан, Цао Е почувствовал это, сжал стакан крепче и, не открывая глаз, пробормотал:

— Не отбирай.

— Ты правда пьян? — спросил Лян Сычжэ. — Цао Е, проснись.

Цао Е не шевелился, не открывал глаз и не отвечал. Лян Сычжэ убрал руку, подпёр кулаком подбородок и нахмурился, глядя на Цао Е. Ситуация усложнилась. Хотя он не видел цен в меню, судя по обстановке и обслуживанию, денег, которые он взял с собой, могло не хватить. Если бы Цао Е днём не купил ему джинсы, сейчас Лян Сычжэ заподозрил бы, что это какой-то хитрый способ не оплачивать счёт.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130232>